

Дорогой
слово! Ты
го два ме

естное
рошло все
я папка.

да гер
а я
е

его приез
ше, а не
рне. Как

Вина
и рур
Сегодня

его переход
и ты в это
дное пись.о, я о

тириви
нее
ть
бой в

роилась поудоб
инялась гита
снова с то

Мен
это
нков
шь
е

наше предост
из т
Мельсербурге: обшито ва
ты, да ты ушлось по это
иной д
шь
ые. лики и руский деток. Gut!

СЕРИЯ «ДОЧЕРИ АВРААМА» IV

≡ Беверли Льюис ≡

ВОЗВРАЩЕНИЕ

2-е издание, исправленное

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2010

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Откровение слов Твоих просвещает...

Псалтирь 118:130

Лия Дэрсон

‡ П Р О Л О Г ‡

ЗИМА 1956 ГОДА

 В эту пору серых туманов и частой измороси не сразу поймешь, где кончается день и начинается ночь. Увы, в распутицу грязь бесформенными комьями липнет почти ко всему — к колесам багги*, копытам лошадей и рабочим сапогам. Но через несколько недолгих дней, если подтвердится прогноз погоды и в Индюшином холме наступят холода, вся эта слякоть окаменеет от мороза, так что передвигаться, будем надеяться, станет и легче, и приятней.

Как бы там ни было, канула в прошлое долгая ночь разобщенности нашей семьи, миновала разлука с Сэйди. Моя полная раскаяния сестра оказалась в распростертых объятиях «скромных людей», и мое сердце снова преисполнилось к ней любовью. Иногда девятилетняя Лидия спрашивает меня, отчего это Сэйди нас когда-то оставила и отправилась на Средний Запад. Разговор на эту тему сам по себе непрост, да к тому же он вряд ли будет понятен такому невинному и еще не искушенному в жизненных перипетиях созданию, как Лидия, едва знакомая с Сэйди. Мне остается только молиться, уповая на то, что наша милая младшая сестра перестанет совать нос не в свое дело и научится принимать свою старшую сестру такой, какой она... какой она пытается стать.

* Коляска на конной тяге — традиционный вид транспорта амишей, нечто среднее между фургоном и каретой. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

Мало-помалу мы с Сэйди закончили шить для нее новые платья и передники, все черного цвета, на период траура, который продлится целый год. Дело в том, что Сэйди, живя в Наппани, штат Индиана, одевалась так, как это было принято в тамошней общине, и те немногие платья, которые она привезла с собой, определенно отличаются непривычным и неприемлемым здесь фасоном. По сравнению с покроем, принятым в нашем Ланкастерском округе, там шьется и носится всё другое, в том числе отличаются от наших и головные уборы — на молитвенных чепчиках* их сестер куда больше складок, а значит, и мороки при глаженье. Вот почему всю индианскую одежду Сэйди мы сложили в коробку и отослали обратно, в Наппани, надеясь, что женская половина семьи Сэйдиного покойного мужа Гарвея найдет возможность пустить ее платья на доброе дело. Самой Сэйди, вне всякого сомнения, эти вещи уже никогда не понадобятся.

В последнее время, несмотря на массу хлопот с воспитанием младшей сестры и единственного брата, я побывала на многих посиделках, сопровождаемых квилтингом**. Теперь, научившись не обращать внимания на сплетни, я сосредотачиваюсь на делании крошечных стежков, а сами посиделки воспринимаю как повод для приятного общения. На всех посиделках я бываю со своей лучшей подругой, Адой Пичи-Эберсол. Иногда к нам присоединяется тетя Лиззи, что неизменно доставляет мне удовольствие. У нее просто талант делать ровные крошечные стежки, причем с упомогающей скоростью! Иногда мы устраиваем между собой настоящее соревнование — кто сделает больше стежков на отрезке, равном длине иглы, тот и выиграл, хотя со своими семью-восемью стежками побеждает всегда она. Еще бы, ведь тетушка занимается квилтингом с незапамятных времен. Мне, однако, кажется, что по завершении земной жизни на небеса попадает не тот, кто в чем-либо добился превосходных результатов, а тот, в ком велики скромность и послушание. Сознательный отказ от своих прав ради смирения и кротости есть проявление

* Головной убор белого или черного цвета, прикрывающий затылок и завязывающийся тесемочками под подбородком.

** Квилт — лоскутное одеяло; составление квилтов (квилтинг) — традиционное занятие амишских женщин.

благословенной добродетели, ниспосылаемой нам свыше, с самого престола благодати.

За почти семь лет, что минули со времени маминой смерти, тетя Лиззи фактически заменила мне мать, при этом мамой я не назвала ее ни разу. Однако всем сердцем я люблю ее как мать и нисколько не сомневаюсь в том, что и она питает ко мне нежные чувства и так же, как и я, ощущает нашу близость, основанную на преданности и любви.

Когда женщины собираются для квилтинга, тетя Лиззи и Сэйди поочередно остаются дома, чтобы стряпать, делать уборку и присматривать за нашим дедом по материнской линии, Иоанном, ведь он по-прежнему живет во флигеле — уютной пристройке к нашему дому. При этом ни тетя, ни сестра не думают отговаривать меня от посиделок, чтобы я осталась дома. Более того, они достаточно откровенно говорят мне, что я не должна засиживаться в четырех стенах и обязана чаще бывать на людях, пусть даже за окном трещит мороз. Мне бесполезно напоминать им о том, что у меня достаточно свободного времени и я всегда могу оставить дом Эберсолов и сменить обстановку, ведь я по-прежнему подрабатываю у *англишерского** доктора Генриха Шварца и его жены, Лорен. Честно говоря, мне иногда кажется, что тетя Лиззи обеспокоена тем, как много времени я провожу с меннонитами, и она довольно часто поднимает эту тему. Вероятно, она не отдает себе отчета в том, что в глубине ее души прочно засел страх, как бы я не пошла по стопам Мэри-Руфи, ради Меннонитской церкви оставившей общину «скромных людей». Кроме тети Лиззи то же самое можно сказать о нашем отце. Впрочем, мне кажется, что он уже не выходит из себя от недовольства Мэри-Руфью и не высказывается в ее адрес столь категорично. К тому же дедушка Иоанн утверждает, что в последнее время Авраам повернулся к нему «совершенно другой стороной».

Тайком читая потрепанную мамину Библию, я обдумываю отмеченные ею места и начинаю понимать, почему наша милая мама была такой ласковой и терпеливой. Суть дела заключается в выборе ею

* От нем. *englisch* — английский. Англишерами пенсильванские амиши называют всех североамериканцев не из числа амишей.

пути подлинного смирения. Доброта и долготерпение сделались, видимо, ее второй натурой, ведь у нее было сердце Божьей рабы. Такое же сердце хочется иметь и мне. Если, усердствуя в послушании, я не оставлю пути, положенного мне Богом, то, думаю, обрету такую радость, что всё остальное по сравнению с ней покажется сущим пустяком. Однако на этом пути я, когда остаюсь в одиночестве, чувствую себя ходящей босиком по жгучей крапиве.

Стойкость — еще одна добродетель, которая со временем только крепнет, проходя сквозь горнило ожиданий, а этих ожиданий, если вдуматься, было у меня в последние годы более чем достаточно. Я часто провожаю в школу и встречаю из нее Эйба и Лидию, которых с радостью воспитываю как своих собственных детей. Юный Эйб — а среди его домашних почти одни женщины — нежно храним каждой из нас. Самим своим существованием он переполняет наши души счастьем, и одна мысль о том, что в день его рождения мы едва не лишились и его вместе с мамой, повергает нас в ужас.

Должна признаться, что я до сих пор не утратила надежды получить письмо из Грасхоперской долины, поскольку молюсь Богу, чтобы в один прекрасный день мамыны родственники, Петер и Фанни Маст, очнулись, пришли в себя и поняли, что всё наше семейство — все обитатели приюта Эберсолов, как я с нежностью называю свой отчий дом, — их любит. Как было бы хорошо, если это угодно Господу, получить от кого-нибудь из Мастов — всё равно от кого — хоть словечко об Ионе и его жизни вдали от родных мест и семьи.

Я с нетерпением жду того момента, когда наконец благополучно завершится Сэйдин шестимесячный испытательный срок. Всё это время надзирать за ее поведением епископ Бонтрагер поручил одной пожилой женщине, которой, к нашей радости, оказалась ближайшая мамаина подруга, Мариам Пичи. Согласно требованиям, предъявляемым к проходящим испытательный срок, моя сестра в настоящее время не имеет права встречаться ни с кем из мужчин, и этот запрет не касается только родственников. Отсюда со всей очевидностью следует то, что до апреля у нее не может появиться жениха. Сэйди исполнилось всего двадцать восемь лет, однако мне трудно представить ее интересующейся мужчинами. Во всяком случае, скоро этого не случится.

Так что ничего не поделаешь: Сэйди остается исполнять строгое постановление церковного начальства и предвкушать наступление более радостного времени — будущей весны, когда ее восстановят в качестве действительного члена Амишской церкви, если она, разумеется, своим примерным поведением это заслужит. Мы можем только просить Господа помочь Сэйди выдержать это испытание, иначе ее больше не примут ни в отчем доме, ни в общине «скромных людей». Каким бы суровым ни было ее наказание — уму непостижимо: изгнание на девять долгих лет без возможности встречаться или хотя бы переписываться с родными, — я от всего сердца надеюсь, что этот испытательный срок не будет вызывать у моей овдовевшей сестры тяжелых воспоминаний, не будет беречь ее душу.

Сейчас, накануне Фомина дня, самого короткого дня в году перед самой долгой ночью, мы готовимся к празднованию Рождества Господня... а вскоре после этого наш маленький Эйб будет отмечать свой седьмой день рождения. Тогда же, надо полагать, и моя сестра Анна разрешится третьим ребенком. И всё это должно произойти, если будет на то воля Господа, в течение нескольких быстротечных суток.

Часто, растапливая старую дровяную мамину печь, я помогаю тете Лиззи и Сэйди стряпать по нашим семейным рецептам. При этом у меня не проходит ощущение разбитости — такой глубокой душевной болью отзывается во мне жизнь без моей дорогой мамы. Жить без нее, наверное, можно, только заставляя себя напряженно трудиться. Теперь я делю с Сэйди бывшую родительскую спальню. По ночам, когда остальные члены нашего семейства нежатся в своих постелях, я испытываю томящее чувство беспредельного одиночества в положении *maidel**. Тем не менее я не устаю благодарить Бога за свою судьбу, благодарить миг за мигом... и день за днем.

* Диал. от устар. Maid (нем.) — дева, девушка.

≡ ГЛАВА ПЕРВАЯ ≡

Буйные ветры, не дающие покоя молодым деревцам, сгибающие их едва ли не до земли, налетают теперь рано по утрам. Резкий контраст между хмурым свинцовым небом и гладким снежным покровом ослепительной белизны создает необыкновенное ощущение равновесия света и тьмы.

Лия только что принесла в амбар отцу и Геду высокий термос с горячим кофе и, перед тем как вернуться в дом, укуталась в шаль, крепко стянув ее узлом на груди.

— Какой жуткий холод! Пронизывает просто насквозь! — сказала она Сэйди, поспешив на кухню, чтобы согреть у дровяной печи замерзшие ладони.

Сэйди, сидевшая в любимом кресле-качалке отца с рукоделием в руках, подняла на нее глаза:

— Мужчины-то, наверное, обрадовались кофейку, да?

Лия кивнула:

— Мне нравится, когда на их лицах появляются улыбки. Кроме того, принести кофе — это такая малость по сравнению с тем, чем я обязана отцу и нашему молодому пастору.

Сказав это, Лия улыбнулась. Честно говоря, она воспринимала своего отца немножко как ребенка, тем более что без мамы ему временами приходилось очень туго. То же самое в известном смысле относилось и к Геду, поскольку Анна с непомерно большим животом в последние дни с трудом добиралась до кухни, чтобы приготовить еду

для своего растущего семейства. Желая хоть чем-то ей помочь, тетя Лиззи и Сэйди поочередно носили горячую еду в их с Гедом избушку на краю дремучего леса.

— Как ты думаешь, Анна носит во чреве дочку или сына? — спросила Лия.

— Несомненно, Гед надеется на мальчика — совсем как на протяжении многих лет надеялся наш отец. Но меня нисколько не удивит, если Анна родит еще одну девочку. Рожать невест, кажется, фамильная черта Эберсолов, — пошутила Сэйди.

— Да, наверное, так и будет... — сказала Лия, и стало ясно, что это не очень ее волнует.

Пока же единственным представителем мужского пола во всем семействе Авраама Эберсола, конечно, кроме него самого, был юный и прекрасный, как наливное яблочко, Эйб.

Когда пришло время созывать семью на обед, Лия направилась в передние покои, где Лидия вытирала пыль с углового буфета. Проходя мимо нее, Лия остановилась, пораженная умиленным выражением ее лица. По форме оно напоминало сердечко, а глаза были голубыми-голубыми, как у Сэйди. Подумав, сколько хлопот семье со временем будет доставлять Лидия, каким подлинным наказанием для нее она может стать, в то же самое время даруя своим родным бездну неистраченной нежности, Лия вздохнула. Пока же особое внимание Лидия оказывала только Эйбу, своему единственному брату, который был всего на два с небольшим года младше ее.

— Сэйди всех зовет на обед, — вполголоса, чтобы не испугать девочку, проговорила Лия.

Сестра, повернувшись в Лиину сторону, улыбнулась. Она бросила тряпку для вытирания пыли на пол и, догнав Лию, положила руку ей на талию.

— Ведь правда, талант готовить у нашей старшей сестры от Бога? — смешно потянув носом, спросила она. — Когда-нибудь ее стряпня сведет с ума того, кто станет ей прекрасным мужем!

— Полно, Лидия, полно... — упрекнула ее Лия.

— Ну, мама, — не сдавалась Лидия, — ты же понимаешь, что я имею в виду.

— Сэйди и в самом деле наделена даром вкусно готовить, так что ей позавидует любая хозяйка.

Сестры разошлись в разные стороны: Лия пошла на заднее крыльцо, чтобы ударить в обеденный гонг, а Лидия — на кухню вымыть руки. Студеный ветер из числа тех, что запросто, проникая сквозь длинные юбки и теплое белье, пробирает до костей, заставил Лию спешно притворить за собой дверь.

Согласно прогнозам метеобюро, которым доверять можно лишь отчасти, нынешние холода задержатся ненадолго. Между тем отец относился к пророчествам метеорологов из толстеного «Фермерского альманаха» весьма серьезно, особенно в последнее время. Тома этого издания лежат на одной полке со знаменитой отцовской амишской шляпой, подумала Лия, однако напечатанные в них прогнозы погоды — это последнее, на что можно положиться в этой жизни, ведь погода зимой так же непостоянна, как и продолжительность самой зимы.

Лия пошла на кухню, чтобы помочь Сэйди подать еду на стол. Сегодня на обед было тушеное мясо, оладьи из кукурузной муки, овощной салат, целый поднос нарезанной соломкой моркови, соленые огурчики с маслинами, сколько угодно горячего кофе для взрослых и парное молоко для Эйба и Лидии. Дети предпочитали парное молоко не от коров, содержащихся на подножном корму, а от целиком перешедших на зимние корма, так что Лия точно знала, что перед сном они с удовольствием выпьют еще по стакану молока.

К тому времени, когда отец и Эйб оказались на кухне, умылись и сели за стол, дедушка Иоанн и тетя Лиззи уже пришли из флигеля и, наслаждаясь восхитительным ароматом Сэйдиного тушеного мяса, обсуждали кушанье. Лия кое-как протиснулась и села на деревянной скамье рядом с Лидией, которая, выражая явное нетерпение, болтала под столом ногами.

— И почему все так долго собираются за стол? — спросила она шепотом Лию.

— Просто ты, наверное, ужасно проголодалась, — ответила Лия. — А ведь мы как будто согласились учиться быть терпеливыми, не так

ли? — задала она риторический вопрос, а затем вслед за отцом склонила голову в традиционной молчаливой молитве.

Испросив благословения на трапезу, Лия заметила, как пристально, немного дольше обычного, отец задержал свой взгляд на тете Лиззи и как та улыбнулась ему в ответ. «*Вот тебе раз!.. Неужели?*» Лия на секунду засомневалась, уж не влюбился ли ее отец в мамину младшую сестру, а затем невольно задумалась над тем, как странно она почувствует себя, если окажется, что отец и правда влюблен в ее родную мать.

«И что подумает об этом моя милая мама?»

Теперь каждый поднимал свою тарелку и ждал, пока Сэйди наполнит ее мясом с гарниром. Глаза Эйба оживленно заблестели: он явно предвкушал удовольствие от любимого блюда — «больших кусков мяса с картошкой». Получив свою порцию, он облизнулся и тут же принялся орудовать ложкой.

— В будущий четверг Эйб поедет со мной... на фермерскую распродажу, — сказал отец, глядя на Лию. — Я просто хочу, чтобы ты это знала.

— Ура-а-а, у меня не будет занятий в школе! — закричал Эйб с набитым ртом.

— Ах, мама... — прошептала Лидия, беспомощно глядя на Лию скорбными глазами. — Нельзя ли и мне...

— Даже не заикайся об этом! — ласково прижала к себе девочку Лия.

— Но, мама, ты же сама, когда была маленькой, всегда ездила с отцом на распродажи! — сказал Эйб, удивляя своими словами Лию. — Разве не так, отец? Разве не ты рассказывал мне об этом?

Бакенбарды на щеках отца подозрительно задергались: он едва сдерживался, чтобы не расплыться в улыбке. Честно говоря, Эйб был совершенно прав, хотя Лию немного озадачило то обстоятельство, что отец принялся повествовать о временах, когда она заменяла ему сына.

— Да, Лия много лет была настоящим сорванцом.

Обернувшись, Авраам нежно посмотрел на Лию. Почувствовав, как зарделись ее щеки, она опустила голову. Давным-давно отец уже говорил ей об этом, но только на ушко, чтобы никто не слышал.

— Теперь, полагаю, наша Лия выбрала себе лучшую долю, — сказала тетя Лиззи.

— Она наша сестра и наша мама, — добавил Эйб, улыбаясь от уха до уха.

Лидия что-то буркнула, однако Лия сочла за благо не разбираться, что именно. Не стоит придавать сказанным вскользь словам особого значения. Пусть лучше девочка задумается над тем, почему ей не стоит ехать на фермерскую распродажу и почему ей лучше пойти в школу. Лидии действительно нежелательно пропускать занятия, поскольку недавно она перенесла тяжелый грипп и отсутствовала в школе целых две недели. Даже если бы она не пропустила в этом году ни одного урока, всё равно у нее нет достаточных оснований тратить целый день на распродаже с отцом, Эйбом и Гедом, ведь девочке ее возраста приличествует быть либо в школе, либо дома.

«То же самое мама втолковывала и мне... и было это так давно», — грустила Лия.

— Ну, что же, Лидия, ничего не поделаешь — придется прекрасный день, четверг, посвятить учебе, — сказал отец. — И больше никаких разговоров об этом, слышишь?

Авраам, должно быть, уловил в характере младшей дочери дерзкое своеволие, и оно насторожило его. С годами, несмотря на горе, окутавшее вдовца подобно савану, он всё больше действовал в интересах своей семьи и каждого ее члена.

Намазав маслом кукурузные оладьи, Лидия кротко попросила немного абрикосового варенья и, не успев получить разрешения, тут же достала его из буфета. Сэйди взяла из рук Лидии банку и поставила ее на стол, на что дедушка Иоанн улыбнулся весело, от души, и попросил добавки — мяса с картошкой и оладий.

— Съем всё, еще и тарелку оближу... — сказал он, поглаживая свой живот.

Это насмешило Эйба, и он подался вперед, чтобы лучше разглядеть через стол дедушку.

— Может быть, дедушка тоже поедет с нами на распродажу? — спросил он отца. — Дедушка, что ты об этом думаешь?

На лице Авраама появилось выражение искреннего беспокойства, и он что-то пробормотал себе под нос. Никто не мог поручиться

за то, что дедушка в его преклонном возрасте вынесет эту нагрузку, ведь он уже год как не совершал никаких поездок. Лия отчетливо вспомнила, как в прошлый раз престарелый отец тети Лиззи взял на себя непосильный труд добраться до Найн-Пойнтса, где амишские фермеры торговали всякой всячиной — от вил и конской упряжи до целых ферм, — и что из этого вышло. Авраам тогда выговорил тете Лиззи за ее предложение взять с собой старика отца. Лия узнала об этом, когда в тот день случайно услышала их разговор в амбаре. Дело в том, что бедный дедушка на распродаже неожиданно почувствовал сильное головокружение и боли в животе, а вечером того же дня его свалила лихорадка. Этот приступ страшно напугал не только отца, но и всю семью.

На сей раз, к счастью, дедушка сразу отверг предложение Эйба, причем стал качать головой так, что белая его борода моталась по синей рубашке из стороны в сторону.

— Ах, дорогой, сам поезжай с отцом на весь день, а меня оставь в покое.

От этих слов Лия испытала огромное облегчение и в который раз убедилась в том, как сильно она переживает за всех родных ей людей.

На следующее утро лошадь в сани запрягли отец и Сэйди, так что на это ушло не обычных полчаса, когда с этим делом возится один человек, а гораздо меньше времени. Сэйди и представить себе не могла, как в такую стужу замерзшими пальцами Лия запрягала бы лошадь одна, а затем отвозила бы Эйба и Лидию в школу, делая по пути остановки, чтобы подобрать всех соседских детей-школьников как из амишских, так и из *англишерских* семей. Вот Сэйди и решила, чтобы удивить Лию, позвать из амбара отца и вместе с ним приготовить для Лии сани.

Сэйди вернулась домой в октябре, но до сих пор не находила в себе мужества поведать сестре всю правду о своем прошлом. Ей было чудовищно стыдно за ту роль, которую она сыграла в расстройстве брака Лии и Ионы. То письмо Лии своему возлюбленному, которое Сэйди в гневе выбросила в помойное ведро, продолжало преследовать

ее, никак не выходя из головы. От признания своей вины ее удерживал только страх. Стоит ей признаться в своем злодеянии, думалось Сэйди, между ней и ее милой сестрой снова образуется пропасть. Вот почему теперь, чтобы хоть как-то ослабить угрызения совести, Сэйди изо всех сил старалась облегчить тяжесть Лиинных хлопот по дому.

Лия просияла от радости, когда вышла из дома и обнаружила, что ей не нужно запрягать лошадь. Она бросилась к Сэйди и крепко ее обняла, между тем как отец, улыбнувшись, помахал им обеим рукой и вернулся в амбар.

— Сэйди, милая... и отец! Ну, зачем вы... не надо было этого делать.

Сэйди потирала руки:

— А нам этого очень захотелось.

В этот момент на заднее крыльцо выскочили Эйб и Лидия. В руках у каждого был судок с обедом.

— Ну, что же, еще один учебный день, и мы поедем с отцом на распродажу, — воскликнул Эйб, подталкивая к саням Лидию.

Сэйди заметила, как Лидия изобразила на лице легкую гримасу. Брат и сестра рассмеялись и запрыгнули в сани. Затем дети помахали Сэйди, а Лия дернула вожжи, направляя лошадь вниз по длинному проселку к шоссе.

Мучимая жгучим морозом, Сэйди стояла на улице дольше обычного, наблюдая за тем, как голова лошади поднимается и падает по мере того как сани, которым вскоре предстояло до отказа заполнить детворой, постепенно скрываются из виду.

«Ах, у меня самой могли быть полные сани собственных малышей», — вздохнула она.

Сэйди медленно зашагала вверх по уже расчищенной от только что выпавшего снега дорожке. «Рождество на носу, и мне надлежит быть счастливой», — решила она.

«Масса дел впереди», — мысленно сказала она себе и, добравшись до дома, поспешила юркнуть внутрь. Однако она не бросилась к дровяной печи, чтобы согреть замерзшие руки и ноги, а подошла к окну и, быстро окинув взглядом заснеженное пастбище, остановила свой взор на опушке леса. Все эти дни мужчины охотились на оленей, и именно в эту минуту они, скорее всего, отдыхали в старом охотничьем домике. О, как нестерпимо ей захотелось, чтобы он сорвался с

горы! Как нестерпимо ей захотелось, чтобы тетя Лиззи на одной из множества только ей известных тропок обнаружила обломки этого рухнувшего убежища — сгнившие бревна, некогда составлявшие его стены, валяющиеся на заснеженной земле и как бы умоляющие пустить их на растопку.

В сознании Сэйди вновь всплыло одно-единственное обстоятельство, которое она так и не решилась открыть в письме епископу Бонтрагеру, когда сообщала ему о своем вдовстве и желании вернуться в отчий дом. О, эти мучительные воспоминания об омерзительном грехе, в который она дала себя втянуть после окончания школы, о том бесчестии, которое она вместе с младшим сыном сельского доктора навлекла на себя! Когда Сэйди благополучно прошла испытательный срок, установленный амишской общиной в штате Огайо, и вышла замуж за Гарвея Хохштетлера, в нравственном отношении безупречного молодого человека, перед ее мысленным взором сначала изредка, а затем всё чаще стал появляться Дерек Шварц. Знает ли он, что она разрешилась мертвым мальчиком?

Дерри... парень, лишивший ее невинности. Нет, неправда! Дело было вовсе не так, и она прекрасно это знала. Она сама, по собственной воле, лишилась невинности с совершенно незнакомым ей человеком, язычником, как отец частенько называл *англишеров*. В те недоброй памяти ночи в охотничьем домике, да и потом она прекрасно понимала, что красавец Дерри не совершал над ней никакого насилия.

Теперь, вернувшись домой, в Индюшиный холм, и узнав о свиданиях Мэри-Руфи со старшим братом Дерри, Робертом, Сэйди не могла избавиться от чувства брезгливости. Голова ее кружилась при мысли о том, что однажды она может встретиться с Дерри и исключить эту роковую возможность никак нельзя. Думая об этом, она нервно вздрагивала, и ей приходилось лишь уповать на то, что подобная встреча случится не в ближайшее время, а через несколько месяцев или даже лет. Иногда Сэйди чувствовала себя совершенно беспомощной. Она не переставала тосковать по Гарвею, и ее тоска становилась еще ужаснее, чем была раньше, до того, как она благополучно вернулась домой и нашла приют в большом отцовском доме. И вот теперь, глядя в сторону леса и вспоминая о той развалюхе — о

том месте, где она зачала своего первенца, свое незаконнорожденное дитя, — Сэйди вдруг задрожала так, что ей спешно пришлось закутаться в черную шаль, до того лишь небрежно наброшенную на плечи.

«Если бы епископ узнал, о чем я думаю, он был бы ужасно мной недоволен». Но зачем ворошить прошлое?! Сэйди понимала, что ей пристало размышлять о лучших годах, проведенных с Гарвеем, добрым и любящим мужем, которого Господь Бог, наш Небесный Отец, даровал ей... на короткое время. Однако по возвращении домой в ее душе всё словно перевернулось. Иногда ей казалось, что она утратила милость Всемогущего, хотя с помощью служителей церкви из штата Огайо... и заботливого Ионы она отвернулась от своих недобрых путей, злых помыслов и непокорства и встала на истинный путь.

«Всех деток, которых я носила, — подумала Сэйди, — всех без исключения я потеряла... потерял их и Гарвей. Все детки, которых я рожала, появлялись на свет мертвыми...»

Сэйди молча спрашивала себя, неужели Бог столь сурово карает ее за дьявольское своеобразие души и безрассудные грехи молодости. Она — бедная вдова с сердцем, исполненным тоски по мертворожденным детям и покойному мужу, — снова, как это всегда бывало после очередного погружения в прошлое, погрязла в болоте сомнений и отчаяния. Тот факт, что епископ Бонтрагер рассказывает ее историю амишской молодежи в качестве примера победы над гордыней, даже отчасти не мог облегчить ее страданий.

Раньше, еще до гибели Гарвея, ей хотелось, чтобы отец порадовался общению с ним, а сестры насладились его занимательными историями, которые он любил рассказывать у домашнего очага. Однако и тогда, несмотря на хорошие отношения с мужем, Сэйди нередко с тоской думала о том, что вдали от дома, в штате Индиана, течение ее жизни словно остановилось. Ее не оставляло предчувствие неминуемых жизненных перемен, а в душе кипело желание исправить то, что исправить было нельзя. Иногда она засыпала в слезах, тоскуя по нежным объятиям мамы и доверительным полуночным беседам с Лией. Об этих страданиях ее души Гарвей даже не подозревал.

«И вот теперь я дома», — говорила себе Сэйди. Несмотря на первоначальные сомнения она, живя под одной крышей с отцом и Лией, с тетей Лиззи и дедушкой Иоанном, с Эйбом и Лидией, снова

с радостью ощущала себя частицей большой семьи. Как хорошо, что наконец-то она познакомилась с братом и подружилась с подросткой без нее сестрой! Наибольшее удовольствие доставляло ей теперь наблюдать, как растут у нее на глазах эти ребяташки, во всем бесхитростно доверяющие Лии. Сэйди не позволяла себе завидовать ей в том, чего не имела сама. А не имела она многого: поистине тесных, родственных связей с детьми, бесценной памяти о том, что значит носить на руках, прижимая к груди, младенцев Эйба и Лидию, что значит нянчить их, укладывая спать в крошечных бумазейных рубашечках, что значит помогать малышам делать свои первые шаги. Как бы там ни было, от Сэйдиного внимания не ускользал ни один ребенок в возрасте, которого достигли бы ее собственные дети, будь они сейчас живы... и в первую очередь ее первенец.

Честно говоря, было немного несправедливо, что Лия, не родив ни одного ребенка, сделалась матерью, а Сэйди, рожавшая не раз и не два, матерью так и не стала. И всё же, чтобы не пошатнуть положения Лии в глазах Эйба и Лидии, даже думать об этом она себе позволить не могла.

Отойдя от окна, Сэйди пошла в кладовку, что располагалась рядом с кухней. Там она сняла свою шаль и повесила ее на третий с краю деревянный крюк. На первом крюке, как всегда, висели вещи отца. По возвращении домой Сэйди обратила внимание, что на втором крюке, на котором всегда висели мамины вещи, теперь висит Лиина шаль. А за обеденным столом мамино место пустует — занимать его Лия, по всей видимости, не захотела.

≡ ГЛАВА ВТОРАЯ ≡

Когда аукционист завел свою обычную шарманку, Авраам весь обратился в слух. Перед этим они с Эйбом обошли все выставленные для осмотра орудия фермерского труда и еще успели поглядеть на мулов. Сынишка неотступно следовал за отцом, не отходя от него ни на шаг, так что Авраам был им очень доволен.

Десятки людей, по большей части в черных фетровых шляпах — верный знак амишского происхождения, — топтались на грязном снегу. Они болтали обо всём на свете и перекидывались шуточками, а некоторые, поплеывая, жевали табак. Перед покупателями открывался широкий выбор всевозможных сельскохозяйственных орудий, деревообделочных инструментов, домашнего скота, доильных установок, не говоря уже о куче полезных в хозяйстве вещей, как маленьких, так и больших, — старых пузырьков зеленого стекла, скворечников, шерстяных шарфов, рабочих ботинок и рукавиц, садовых лопат и граблей. В общем, здесь было всё, что люди надеялись продать или купить по договорной цене. Между тем сыновья и внуки потенциальных покупателей в таких же черных шляпах, что и взрослые, играли неподалеку в мяч или, взгромоздившись на изгородь, сидели на ней, подобно синицам на проводах.

Медленно подняв глаза на продавца, Авраам в нужный момент предложил ему свою, выше стартовой, цену за солидный по размерам набор пил и сверл. Продавец перевел взгляд на толпу, отыскивая другого заинтересованного покупателя. Когда цену Авраама перебили на доллар, он подмигнул аукционисту, который, быть может, и

был несколько староват для своего дела, однако умело справлялся с наседающим на него народом.

— Кто это перебивает нашу цену, отец? — жарким шепотом спросил Эйб и от нетерпения стал прыгать, стараясь увидеть хотя бы макушку «соперника».

Не желая упустить свой шанс купить отличный набор, Авраам, ничего не ответив сыну, положил тяжелую руку на плечо мальчугана. Еще пара-другая подмигиваний, и торг закончился. Значит, тому человеку, что перебивал предложенную Авраамом цену, эти инструменты были нужны меньше, чем ему.

— Ну, что же, — сказал Авраам, — теперь у нас будет несколько отличных пил и сверл!

Пробираясь с Эйбом сквозь толпу за своими инструментами, он сказал сыну, что последним в борьбе за товар ему уступил старина Ионафан Лапп, когда увидел, с каким азартом Авраам перебивает предложенную им, Лаппом, цену.

— А скоро я сам смогу участвовать в торгах? — спросил Эйб, когда они понесли свое приобретение в фамильную багги.

— Когда станешь зарабатывать деньги, вот когда... — Авраам не мог не улыбнуться наивности Эйба.

— И всё-таки когда же это будет?

— В свое время... — нашелся что ответить ему Авраам.

Понятное дело, Эберсолы жили весьма зажиточно, но что касается наличных денег, то из-за Сэиди, сидящей теперь дома, говорить о денежных вознаграждениях сына в ближайшее время не приходилось. Каждый цент, заработанный Лией в больнице доктора Шварца, шел в семейную копилку, но даже с учетом этого дохода платить сынишке за работу в амбаре и в поле до и после школьных занятий, а также по субботам Авраам позволить себе не мог. Пока Эйб не достигнет совершеннолетия, а это будет через десять лет, он, Авраам, всерьез об оплате его труда и думать не станет.

После совершенной покупки Авраам и Эйб провели на фермерской распродаже еще несколько часов. Стоя в амбаре, они переговаривались с другими амишами, но когда нос и уши Эйба стали угрожающе красными, даже багровыми, Авраам понял, что пора собираться домой, а то как бы ему, Эйбу, не заболеть.

Уже на пути домой Авраам крепко задумался о том, что теперь, после того как Анна вышла замуж за Геда и переехала в лесную избушку Лиззи, Лии и Лидии уже не придется огородничать, как это было до сих пор. Со следующей весны садоводство и разведение овощей лягут на плечи Сэйди и Лиззи, ведь забот у Лии и без того хватает — она делает всё, что надо, обеспечивая уход за младшими детьми и их воспитание. При этом Аврааму и в голову бы не пришло просить Лию оставить наемную работу в семье доктора Шварца. Помимо дохода, столь необходимого в семейном бюджете Эберсолов, Лия нуждалась в удобном поводе вырваться из четырех стен, в которых она заживо себя погребла. Авраам слышал от самого доктора, как его жена призналась ему, что без Лии она уже не может управляться с домашним хозяйством. Своим усердием Лия не только всю жизнь впечатляла своих близких, но и расположила к себе супругов Шварц.

Размышляя о семействе сельского доктора, Авраам обратился мыслями к Мэри-Руфи, которая во многом походила на его старшую дочь, Сэйди, — во многом, за исключением страсти учиться... и проповедовать. До сих пор не удосужившись познакомиться с меннонитским пастором Робертом Шварцем, Авраам полагался лишь на рассказы о нем Мэри-Руфи. Когда-нибудь, если Мэри-Руфь не передумает связать с ним свою судьбу, ему, Аврааму, придется отдать дань вежливости и встретиться с кавалером своей дочери из «внешних» людей.

Чтобы отключиться от этих мыслей, Авраам обратился к Эйбу, сидевшему слева от него, с предложением тянуть жребий накануне Рождества — с чьим именем вытянешь записку, тому и будешь готовить подарок. При этом он, однако, не отважился сказать, что надеется малость сэкономить на подарках для семьи.

— Я бы предпочел вытянуть из шляпы записку с именем мамы Лии... — Когда Эйб перевел взгляд на Авраама, голубые глаза его сияли. — С именем мамы или Лидии.

— Значит, имя Геда тебе не подойдет?

Серьезный тон, которым были сказаны последние слова Эйба, просто поразил Авраама.

— Геду приличнее выбрать Анну или одну из своих дочерей, ведь так? — вопросом на вопрос ответил Эйб, покачав головой.

Прищелкнув языком, Авраам направил лошадь к дому. Сын Иды казался не по годам пронизательным и тонким человеком. Повернувшись и похлопав сынишку по коленке, он согласно кивнул. Ах, как приятно находиться в этот ясный зимний день в столь «изысканном» обществе!

Ярко светившее солнце било в лицо Ионы Маста так, что ему пришлось слегка сдвинуться, чтобы уклониться от слепящих лучей и увидеть добродушную физиономию старого аукциониста. Максимально взвинтив предлагаемую им цену, Иона должен был встретиться с ним глазами.

Предметом Иониного торга на этой распродаже стала ваза из прессованного переливчатого темно-синего стекла, и он продолжал упорствовать, поднимая цену, поскольку прекрасно понимал, что лучшего подарка для дорогой Эммы нет и не будет. Он даже попытался представить, как зардеется она от счастья, как засверкает в ее глазах радость, когда он подарит ей эту вазу на Рождество.

Иона узнал об этой распродаже из разговоров между амишами и прибыл на нее издалека. Ему хотелось приобрести здесь кое-какие столярные инструменты. Бродя по развалам, он увидел массу хозяйственных товаров, и среди прочего много старинной посуды, квилтов и предметов домашнего обихода, выставленных кроме того в передних покоях дома и на склоне холма.

«Только бы никто не перебил моей последней заявки», — подумал он и снова поднял брови, чтобы показать аукционисту, что по-прежнему заинтересован в предмете торгов.

Вскоре изящная ваза вознеслась над головами, и сердце Ионы заколотилось, когда он услышал: «Продано!».

Продано-то продано, но добряк аукционист, ладонью прикрыв от солнца глаза и отыскав в толпе Иону, устремил на него любопытствующий взгляд:

— Сдается мне, что ты не местный.

— Меня зовут Иона Маст, — быстро ответил Иона, немного обеспокоенный тем, что все в толпе обернулись в его сторону. — Я из северных краев.

— Ладно, полный порядок. *Gut!** Продано нашему дорогому гостю Ионе.

Когда Иона, получив свое сокровище, отправился к багги, к нему подошел, опираясь на палку, дряхлый фермер из числа меннонитов.

— Прошу меня извинить, но мне послышалось, что тебя зовут Иона Маст... Это правда? — Иона как-то нерешительно кивнул старику. — Ну и ну, до чего же тесным становится этот мир! Особенно для нас, простых людей... Правда, Ион и Мастов вокруг хватает, но кто знает, может быть, ты тот самый Иона Маст.

— Простите... мы где-то с вами встречались?

— Что-то не похоже, — ответил старик, искоса глянув мутными глазами на Иону. — И всё-таки кто его знает? Ты когда-нибудь жил в Миллерсбурге?

Вопрос старика удивил Иону.

— Но почему вы меня об этом спрашиваете?

«*Это было так давно...*»

Старый фермер снова оживился:

— Стали мы вчера с братом наводить порядок в амбаре и случайно нашли видавший виды изодранный конверт — насколько помню, нераспечатанный, — а на нем красиво так написано имя, правда, за давностью лет оно наполовину выцвело.

«*Любопытно*», — подумал Иона, будучи не очень уверен в том, что седовласый собеседник понимает, о чем говорит.

— И кому же это письмо было адресовано?

— Ах, ну, конечно же, тебе.

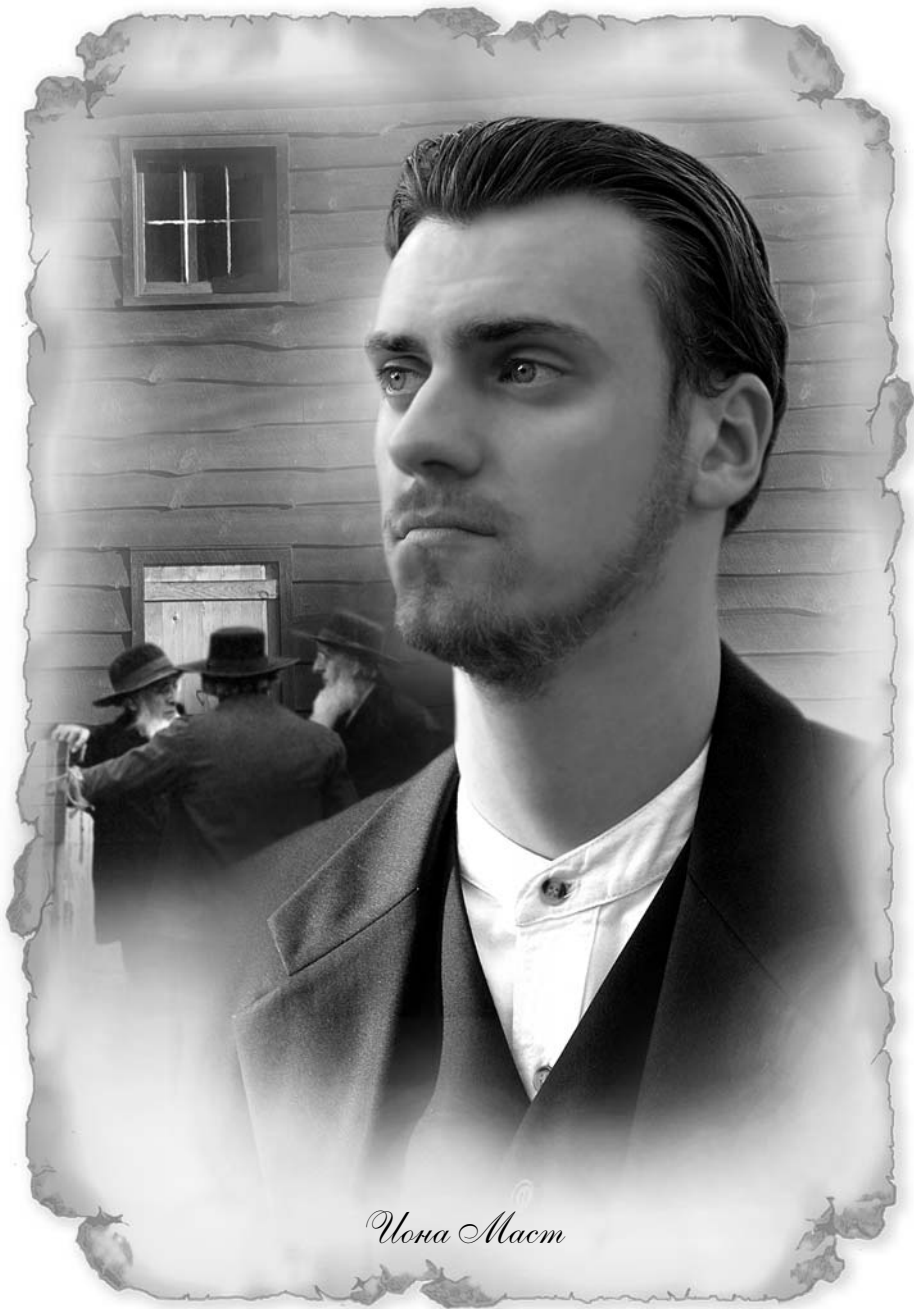
— Хм-м-м... Не может быть! — Иона был сбит с толку. — А был ли на конверте обратный адрес?

Старик снял шляпу и почесал в затылке:

— Честно говоря, не обратил внимания.

Этот разговор на самом деле озадачил Иону. Действительно, старик не ошибся — Иона некогда жил в Миллерсбурге, это точно,

* *Gut* (нем.) — добро, хорошо.

Уона Маст

но сама ситуация с письмом представлялась ему какой-то неправдоподобной. Он приблизил лицо к старику: уж не спяну ли тот болтает?

— Ну и ладно, отправлюсь-ка я лучше домой, — сказал Иона, прижав к груди старинную вазу. — Будьте здоровы!

Было холодно, и, постояв какое-то время у школьной ограды, Лидия решила, что больше ни минуты не выдержит в ожидании мамы Лии, которая должна была приехать за ней и отвезти ее домой. Значит, придется броситься вниз по проселку и догнать стайку из четырех амишских девочек.

Впереди на небольшом расстоянии по дороге шли шестеро мальчиков ее возраста. Все они учились в джорджтаунской школе, и Лидия с интересом наблюдала за тем, как они дерзко, до последней секунды не уступали дорогу запряженным в повозки лошадям — попробуйте, мол, беспрепятственно нас миновать. Даже ее братишке, Эйбу, нравилось участвовать в подобных ребячьих забавах, правда, не сегодня, поскольку сегодня он с утра поехал с отцом на распродажу.

Лидия слушала, как девочки болтали на диалекте пенсильванских немцев, но в их разговор о рождественском представлении, где она накануне сочельника должна была играть мать младенца Иисуса, Марию, не вступала.

Когда мальчишки, завидев приближающуюся машину, перешли на правую сторону дороги, Лидия заметила, что Карл Нолт, юный темноволосый меннонит, быстрее остальных учеников — трех амишей и двух *англишеров* — подался в сторону. Единственный отпрыск Дэна и Дотти Нолт просто рванул от машины со всех ног. Семейству Нолт принадлежал дом, в котором жила и неполный рабочий день трудилась старшая сестра Лидии, Мэри-Руфь, учительница в *англишерской* школе.

— Уж не мечтает ли Карл стать *feiner** Иосифом? — молвила одна из девочек, расплывшись в деланной улыбке.

* *Feiner* (нем.) — тонкий, чуткий; здесь: прекрасный.

Девочки, приснув, затем на нее зашикали, но Лидия сделала вид, будто их не слышит, — она-то как раз полагала, что Карл прекрасно подходит на роль Иосифа. «У него такие карие глаза, каких я сроду не видывала», — подумала она. Интересно, от кого из настоящих родителей у него такие красивые глаза и вообще почему эти самые родители не оставили его жить с собой? Именно Мэри-Руфь, которую скорее можно было принять за старшую сестру Карла, чем за ее, Лидии, старшую сестру, в доверительной беседе поведала ей о том, что он был усыновлен Нолтами вскоре после рождения. Поскольку Мэри-Руфь порой болтала много лишнего — а это было известно всем, — Лидия никогда не заговаривала с Карлом о его происхождении. Тем не менее она была вполне уверена в том, что этот мальчик обладает добрым сердцем, по крайней мере, так ей показалось, когда в школе два дня подряд — вчера и сегодня — она репетировала с ним рождественскую пьесу во время перерыва на обед. Как бы там ни было, но когда Лидия в сценах с Иосифом — который не был амишем и о котором она пока мало что знала — изображала Марию, ее пробирала дрожь. Что дело обстоит именно так, она и виду не подавала, хотя бы ради Мэри-Руфи, которая всегда брала с собой Карла, когда каждую субботу приезжала погостить в свою семью. То, что Мэри-Руфь проявляет излишнее рвение, желая вовлечь мальчика в игры Эйба и Лидии, прямо-таки бросалось в глаза. Право, это было довольно странно, тем более что отец не раз объяснял, что не одобряет поведения Мэри-Руфи, живущей с «электрическими» людьми. Ах, каким, наверное, жестоким испытанием была для него утрата одной из дочерей!

Лидия подозревала, что добрая тетя Лиззи и отец что-то задумали, иначе зачем им было приглашать к себе вместе с Мэри-Руфью и Карла. Тетя Лиззи всегда находила повод сунуть нос в чужие дела и высказать затем свое мнение, а отец, похоже, ничего не имел против такого положения дел. Вот что было по меньшей мере удивительно.

Впереди на дороге в одноконных санях показалась мама Лия. Обрадовавшись ей, Лидия прибавила шагу.

— Поехали вместе с нами! — пригласила она девочек.

Девочки тотчас поспешили за ней и, обогнав мальчиков, оставили их позади — всех, кроме Карла.

— А мне можно с вами? — спросил Карл, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Запрыгивай, — ответила мама Лия. Щеки у нее были пунцового цвета.

Но Карл, озираясь на мальчиков, заколебался.

— Не стесняйся, места хватит всем, — сказала Лидия, рассчитывая на то, что тот сядет рядом с ней, но на должном расстоянии.

Карл с улыбкой принял ее приглашение и плюхнулся в сани, но ближе к маме Лии, чем к любой из девочек.

— Когда же, Карл, вы с Мэри-Руфью снова приедете к нам в гости? — спросила его Лия.

Интересно, подумала Лидия, что он скажет в ответ?

Карл пожал плечами и какое-то время был нем как рыба. Потом, точно собравшись с мыслями, он сказал:

— Мэри-Руфь говорит, что мы могли бы вас пригласить к нам на Новый год, если... ваш отец не будет против.

— Как любезно с вашей стороны, Карл, — ответила мама Лия, прежде чем Лидия смогла хоть что-то сказать.

Карл уже не чувствовал прежней неловкости, и Лидия подумала, уж не застеснялся ли он, сядя в сани, своих приятелей, не побоялся ли того, что мальчишки его засмеют за поездку в компании девочек.

— А где сегодня ваш Эйб? — спросил он.

Лидия едва не пропустила его вопрос мимо ушей — так она была занята своими мыслями.

И снова мама Лия опередила ее с ответом:

— О, наш Эйб вместе с отцом отправился на фермерскую распродажу.

— Вы хотите приобрести что-нибудь особенное? — спросил Карл.

«Какой-нибудь доильный аппарат с особенным шлангом», — подумала Лидия. Она не стала этого говорить, а просто кивнула и продолжала наблюдать за Карлом. Тот с беззаботным видом сидел на сене, скрестив ноги и укутавшись в один из шерстяных пледов, прихваченных в дорогу Лией.

— Надеюсь, им попадетсч что-нибудь полезное в хозяйстве, — сказала она и оглянулась через плечо. — В общем, так бывает всегда.

— Думаю, мой дядя тоже поехал на эту распродажу, — сказал Карл. — Он раньше был амишем и любит бывать там, где собираются последователи старой веры.

Этот факт показался Лидии интересным. Значит... кто-то из приемного семейства Карла или по крайней мере один из его родственников некогда был амишем. *«Уж не оставил ли он свою общину перед крещением? Или его изгнали, как Сэйди?»* Однако Карл эту тему больше не развивал, не посмела задавать вопросы и Лидия. Да, говорить об этом не очень приятно, ведь у них самих старшая сестра, Сэйди, проходит сейчас после изгнания испытательный срок. Церковное наказание разделяет семьи, делая из сестер и братьев чужих людей... даже в том случае, когда изгнанный возвращается домой с покаянием.

Бедная, но на редкость милая Сэйди! За что ее, спрашивается, так наказали? И что она такого натворила?

Из дверного проема между передними покоями и флигелем де-душки Иоанна доносился запах свежих ореховых пирогов. Он напомнил Сэйди маму, которая любила рождественские праздники больше всех остальных. Привлеченная восхитительным ароматом, она отправилась к бабушке и нашла его дремлющим в кресле-качалке. Он сидел, закинув голову, с открытым ртом, и не переставая храпел, причем довольно громко.

«А где же тетя Лиззи?»

Чтобы ее найти, Сэйди прошла на кухню, но тетушки там не было. Поглядев на бабушку — тот по-прежнему не замечал присутствия внучки, — Сэйди отворила дверь и бесшумно вышла на лестницу. Опять-таки, чтобы не разбудить бабушку, она не стала окликать тетю Лиззи и на цыпочках поднялась наверх.

Там она и нашла свою дорогую тетушку. Та сидела в своей спальне возле окна с Библией в руках.

— А, вот и ты, Сэйди.

— Ты не против, если я посижу рядом с тобой?

Тетя Лиззи кивнула:

— Располагайся удобнее.

— У твоих пирогов такой великолепный запах, что даже слюнки текут...

Тетя Лиззи улыбнулась:

— Да, хочу сегодня за ужином всех порадовать.

— Эйбу и Лидии твоя выпечка обязательно понравится.

Сэйди вдруг замолчала.

Тетя Лиззи, сунув палец между страниц, закрыла Библию, подняла голову и пристально посмотрела на Сэйди:

— Почему бы тебе не поделиться со мной своей бедой? Я же вижу, как ты переживаешь.

Ах, подумалось Сэйди, было бы лучше не поддаваться искушению и не идти на откровенность, а просто посидеть с родным человеком, наслаждаясь душевным теплом, которое он так щедро дарит близким. Но тетя Лиззи, конечно же, права — давно пора поделиться с ней своим горем.

— Я так соскучилась по тебе, *Aendy**. Ты не ошиблась, мне хочется с кем-нибудь поговорить о моем муже, Гарвее... с тобой, может быть, если ты готова меня выслушать.

— Отчего же нет, моя дорогая! — поддержала ее тетя Лиззи.

Сэйди стала говорить, как ей хочется, чтобы члены ее семьи больше знали о ее муже.

— Всякий раз, когда мы по какому-нибудь поводу приглашали в гости родственников или друзей, Гарвей рассказывал один анекдот за другим и до слез смешил людей. Мне так не хватает его шутового тона и заразительного смеха!

Тетя Лиззи откинулась на спинку кресла:

— Вероятно, тебе есть о чем тосковать. Как бы мне хотелось познакомиться с твоим Гарвеем.

Сэйди, снедаемая нетерпением, начала делиться с тетей Лиззи одним воспоминанием за другим. С момента своего возвращения и до сих пор она и словом не обмолвилась о своем покойном муже, ведь ее рана была еще слишком свежа. Она заговорила о рождественских праздниках, проведенных вместе с Гарвеем в окружении большого счастливого семейства мужа, а также тамошнего церковного люда.

— Ах, у нас был добрейший епископ! Знаешь, как бы мне хотелось, чтобы он когда-нибудь встретился с нашим епископом.

* Диал. от англ. *aunt*y — тетушка.

Сэйди тщательно следила за своей речью, чтобы ненароком не сказать дурного слова о епископе Бонтрагере, не задеть его репутации. Сколько раз из-за его жестокосердия она переживала за отца с матерью и других членов общины Индюшиного холма, а также, разумеется, за себя. Но сейчас, чтобы не выказать неуважения к помазаннику Божьему, она об этом помалкивала. Незачем ей делиться с тетей Лиззи своим мнением о суровом епископе. Кроме того, тетя никогда не признается в том, что в общении с ним и она переживает определенные трудности.

— Я рада, что у тебя был прекрасный муж и сплоченная община в штате Индиана, — сказала по прошествии некоторого времени тетя Лиззи, погладив Сэйди по руке. — Пойдем-ка проверим пироги.

Сэйди последовала за ней на кухню и там помогла ей снять с огня только что испеченное кулинарное чудо. Затем обе заглянули к дедушке Иоанну, который по-прежнему спал, после чего тетя Лиззи пригласила Сэйди к себе наверх.

— Я давно собиралась кое-чем поделиться с тобой, — сказала она, понизив голос. — Лучше, чтобы ты услышала это от меня.

Интересно, подумала Сэйди, неужели начнется откровенный разговор о Лии в положении *maidel* или о чем-то из круга подобных печальных тем? «*Неужели во всём этом тетя Лиззи усмотрела мою вину?*»

Однако, как вскоре выяснилось, на сердце у тети Лиззи было совсем другое.

— Однажды в молодые годы я попала в ужасный переплет. Тебе это уже известно... — она смолкла, чтобы перевести дух. — До сих пор я не говорила тебе всего, что касается этой истории... но теперь, я думаю, ты должна узнать, что дочь, которую я родила, — это твоя сестра Лия, то есть на самом деле Лия — твоя двоюродная, а не родная сестра... — Лицо тети Лиззи пылало. — Лия узнала об этом после исполнения заповеди крещения, и еще до того, как Господь призвал к Себе вашу маму, она открыла эту тайну Анне и Мэри-Руфи. Думаю, и ты давно должна была об этом узнать.

«*Тетя Лиззи — мать Лии?*» Сэйди почувствовала себя так, словно силы покинули ее.

— Лия... твоя дочь?

Тетя Лиззи кивнула, и на ресницах у нее сверкнули две слезинки.

Пытаясь осознать столь поразительную новость, Сэйди наконец прошептала:

— А что же об этом думает сама Лия?

— О, мы никогда не говорили с ней об этом... Ты же знаешь: «скромные люди» перестают рассуждать, к примеру, об изгнании, как только человек покается, — ответила тетя Лиззи.

Сэйди эта новость показалась не просто любопытной — она едва не лишила ее присутствия духа. Ее дорогая тетя передала на воспитание Лию маме и отцу, однако ее дочь росла, так сказать, на расстоянии вытянутой руки и тетушка могла беспрепятственно ее растить и любить.

Дрожь в предчувствии давно знакомой тоски прошла по спине Сэйди, и в этот миг она со страхом вспомнила о том времени, когда ночами и среди бела дня будто наяву слышала плач ребенка — это постоянное напоминание о ее первенце.

— Не знаю, право, что тебе и сказать... — призналась она, проглотив в горле ком, появившийся при мысли об этой неожиданно открывшейся близкородственной связи Лии со столь любимой всеми тетей Лиззи. — Подумать только! Ты и Лия... а я-то всё не могла понять, отчего в нашей семье темные волосы только у Лии. Никогда бы не подумала...

Тетя Лиззи продолжила свой рассказ: в то время, когда она забеременела, она бунтовала и пребывала в таком диком девчоночьем мятеже, что мнение окружающих ее нисколько не волновало.

— Что хотела, то и делала. Вот и всё...

«Точно так же было и со мной», — уныло подумала Сэйди.

— К счастью, твои родители приютили меня как члена своей семьи, а после рождения Лии приняли в семью и ее.

— Выходит, тот парень, Лиин отец, отказался на тебе жениться? Может быть, он вообще тебя никогда не любил? — Эти вопросы сами собой сорвались с Сэйдиных губ, и она тотчас почувствовала себя страшно виноватой. — Ох, прости, пожалуйста, тетя! Не моего ума это дело...

— Ничего... ничего, этого вопроса следовало ожидать.

Тетя Лиззи ни словом не обмолвилась о родном отце Лии, а Сэйди не настолько была глупа, чтобы задать ей следующий вопрос, отныне занозой засевший в ее голове.

Так кто же в конце концов родной отец Лии?

⌘ О Г Л А В Л Е Н И Е ⌘

Предисловие к русскому изданию	5
ЧАСТЬ I	7
Пролог	9
Глава первая	14
Глава вторая	24
Глава третья	38
Глава четвертая	46
Глава пятая	55
Глава шестая	65
Глава седьмая	76
Глава восьмая	85
Глава девятая	93
Глава десятая	98
Глава одиннадцатая	105
Глава двенадцатая	117
Глава тринадцатая	126
Глава четырнадцатая	131
Глава пятнадцатая	141
Глава шестнадцатая	152
Глава семнадцатая	163
Глава восемнадцатая	172
Глава девятнадцатая	182

ЧАСТЬ II	191
Глава двадцатая	193
Глава двадцать первая	201
Глава двадцать вторая	210
Глава двадцать третья.....	220
Глава двадцать четвертая	231
Глава двадцать пятая	239
Глава двадцать шестая.....	248
Глава двадцать седьмая.....	254
Глава двадцать восьмая.....	263
Глава двадцать девятая	272
Глава тридцатая.....	276
Глава тридцать первая.....	283
Глава тридцать вторая.....	292
Глава тридцать третья	298
Глава тридцать четвертая.....	305
Глава тридцать пятая.....	312
Глава тридцать шестая	320
Эпилог.....	329

